

Археология:

история
и перспективы

Шестая
межрегиональная
конференция

Ярославль
2014

УДК 903/904
ББК 63.4
А87

Ответственный редактор:
А. Е. Леонтьев, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:
А. В. Энговатова, канд. ист. наук.
О. М. Стадник
Н. В. Артемьева

А87 Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: Сборник статей / Под ред. А. Е. Леонтьева; Яросл. гос. ист.-архит. и худож. музей-заповедник. — Ярославль, Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2014. — 304 с.: ил.

ISBN 978-5-88697-243-6

Книга представляет собой сборник статей участников VI Межрегиональной конференции «Археология: история и перспективы», которая состоялась 18–19 октября 2014 г. в Ярославле. Сборник посвящен археологическому изучению Ярославского края и соседних регионов.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов, всех интересующихся историей.

УДК 903/904
ББК 63.4

Археология: история и перспективы

Шестая межрегиональная конференция

Сборник статей

Художник М. Бороздинский

Подписано в печать 31.08.2014. Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура «PetersburgC».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 300 экз. Заказ № 2379.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8
e-mail: printing@r-d-p.ru

© Авторы статей, 2014
© Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, 2014
© Бороздинский М. Е., оформление, 2014

Содержание

От редакционной коллегии	5
<i>А. В. Энговатова.</i> Сохранение археологического наследия в России. Современное состояние (вместо предисловия)	6
<i>А. Альтквист.</i> Камни-чашечники летописной земли мери	25
<i>И. В. Бобрецов, Н. В. Малахов.</i> Останки массового захоронения людей и животных из раскопок в г. Переславль-Залесский. Антропологическое исследование	43
<i>С. В. Городилин, А. Л. Каретников, А. В. Киселёв.</i> Разведочные работы ГМЗ «Ростовский кремль» в исторической округе Ростова в 2011 и 2012 гг.	51
<i>В. В. Праздников, А. А. Пакин.</i> Селище-3 у д. Яковлевское Угличского района: результаты первых исследований	59
<i>Е. Н. Жукова.</i> Информативные возможности археологической карты Тверской губернии начала XX в.	67
<i>А. В. Кашкин, К. И. Комаров.</i> Итоги мониторинга памятников археологии Плещеева озера	77
<i>К. И. Комаров.</i> Александрова гора как археологический памятник	80
<i>А. В. Кудряшов.</i> Исследование поселения и могильника Нижнее Селище-1, -3 в бассейне Андозера	90
<i>И. В. Куцов, И. В. Бобрецов.</i> Исторический некрополь городища Филимоново: опыт археологического и антропологического исследования	102
<i>А. В. Максимов.</i> Польские и литовские монеты из собрания Ярославского музея-заповедника	116
<i>Н. Г. Недомолкина.</i> Художественные изделия волосовских стоянок на территории Вологодской области	129
<i>И. И. Рыкунова, А. Н. Рыкунов.</i> Гривны и браслеты из цветного металла средневековой Усть-Шексны	148
<i>Н. Г. Самойлович, А. В. Кашкин, В. Н. Орлов.</i> Охранные археологические исследования в Ростове Великом в 2012 г.	156
<i>В. Н. Седых, Я. В. Френкель.</i> О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимереvского могильника	165

рассматриваемые выборки данных типов. Это будет приводить к «перекосам» в хронологической системе.

В нашем случае выявляется хронологическое расхождение примерно в 30 лет между североевропейской шкалой, основанной на погребальных комплексах, и «волховской» шкалой, базирующейся на поселенческих материалах. Об этом нам уже приходилось писать¹⁶¹. Причин такого расхождения несколько, и, похоже, сейчас мы выявили еще одну такую причину.

Состав бус «группы 1» 95-го кургана очень похож на бусы из кургана 7 скандинавского могильника Плакун¹⁶², причем сходство это не исчерпывается неоднократно отмечавшимся в литературе присутствием бус из серебряной рубчатой проволоки. Если мы правы, то это — не случайное сходство: женщины, погребенные в обоих курганах, родились примерно в одно время, и принадлежали к одной (или близкой) субкультуре, но женщина, погребенная в 95-м кургане Тимеревского могильника, прожила несколько дольше. Или, учитывая возраст погребенной в 95-м кургане (40 лет), может быть, правильнее сказать, что женщина, погребенная в кургане 7 могильника Плакун, прожила меньше.¹⁶³

Если мы правы, то есть шанс снять еще одну причину расхождения североевропейской и «волховской» хронологических шкал. Мы осознаем рискованность сделанного предположения. Его надежное обоснование потребует развернутой аргументации, далеко выходящей за тематические рамки настоящей статьи.

¹⁶¹ Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LIII заседания. Псков, 2008. С. 244–245.

¹⁶² Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 59–64; Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 156–169; Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LIII заседания. Псков, 2008. С. 239–241.

¹⁶³ Заметим, что если погребальный обряд представлен ингумацией, то разницу между бусами, входящими в состав убора, и бусами, входящими в состав дара (брошенными на тело погребенной или рядом с ней), уловить сложнее (хотя и возможно при тщательной фиксации). Еще сложнее уловить такую разницу, если бусы, играющие роль дара, были брошены не на погасшее кострище, а непосредственно в пламя погребального костра.

Ярославль в истории дореволюционной археологии. Наука и идеология

Ярославль занимает особое место в истории российской дореволюционной археологии. Это единственный неуниверситетский город, где прошли два археологических съезда — VII Археологический съезд (1887) и I Областной археологический съезд (1901).

В этом отношении с Ярославлем могут конкурировать только Москва, место проведения I (1869) и VIII (1890) археологических съездов, и Киев, где были проведены III (1874) и XI (1899) съезды. Но Первопрестольная и «Мать городов русских» занимали несравненно более выдающее место в русской истории, нежели Ярославль, и были признанными университетскими центрами России.

Чем же можно объяснить неожиданное предпочтение организаторов VII археологического съезда, решивших провести его на берегах Волги, в сердце российской провинции, а не в университетском малороссийском Харькове, как было решено на предыдущем VI съезде в Одессе (1884)?

По устоявшейся в отечественной историографии традиции, основание которой положили высказывания П. С. Уваровой, перенос места проведения съезда в Ярославль объяснялся смертью ее супруга, графа А. С. Уварова, что якобы затрудняло проведение съезда в Харькове. Оставляя на совести графини утверждение, что провести съезд в университетском Харькове труднее, нежели в Ярославле, постараемся понять, чем этот город привлек внимание Прасковьи Сергеевны.

Если следовать логике П. С. Уваровой о минимизации усилий по организации съездов, подорванных смертью ее супруга, логичнее было обратить взоры на Владимир. Это один из древнейших городов Руси, столица Владимирского княжества, связанный с именами Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского. В городе расположены уникальные памятники

архитектуры домонгольского времени — Золотые Ворота, Успенский и Дмитриевский соборы XII в. Рядом находится не менее знаменитый и более древний Суздаль.

Да и в бытовом плане графине было удобнее провести съезд во Владимире. В этой губернии, недалеко от Мурома, располагалась одно из имений Уваровых — Карачарово, которое П. С. Уварова в дальнейшем, после раздела имущества с сыновьями, оставила за собой. Вся административная верхушка губернии, начиная с губернатора, была на «близкой ноге» с графиней, оказывала ей всяческие знаки почтения, в том числе и как супруге преподавателя великих князей, близкой царствующему дому. Все это должно было облегчить решение организационных вопросов. И, тем не менее, был выбран Ярославль. Почему?

Чтобы понять это, надо представлять главный идеологический вектор внутренней политике империи, активно продвигавшийся Александром III, царствовавшим в годы подготовки и проведения ярославского съезда

Со времен Николая I идеологическая доминанта была направлена в лоно национальной, «русской» политики. Этой политики придерживался Александр II, но наиболее активно национальные начала продвигал именно Александр III. С его воцарением была официально принята доктрина приоритета в империи элиты православной, этнически русской, что провозглашалось основой династии и империи.

Другим важным моментом в идеологической доктрине нового царствования было всемерное возвышение православной церкви, объявленной главным выразителем национальных ценностей, поставленной во главу идеи национальной монархии. В знаменитой уваровской триаде «православие, самодержавие, народность», понятие «православие» стояло на первом месте, а «самодержавие» на втором.

В глазах императора Александра III удовлетворением русского прошлого России являлась церковная архитектура. Самодержец стремился использовать старинные архитектурные стили как средство возродить первоначальную чистоту отношений монарха и народа, преобразовать взгляды современного ему общества.

При этом немаловажно, что император был сторонником архитектурного стиля «времен московских царей XVII века», который практически стал официальным стилем царствования. Именно в этом стиле во времена правления царя-миротворца возводилось большинство церковных, и не только, зданий.

В контексте нашего исследования весьма важно то обстоятельство, что Александр III для своих архитектурных предпочтений имел конкретные образцы. Царю хотелось видеть чистый русский стиль XVII столетия, «образцы коего», по его словам, «встречаются... в Ярославле». Подобное пристрастие императора не было секретом для современников, о нем не-

однократно писали различные газеты¹, что придавало ему силу монаршего указания. Подобными симпатиями объясняются неоднократные посещения Ярославля Александром III. В том числе и в июле 1881 г., спустя всего лишь три месяца после вступления на трон. Самодержца сопровождала вся монаршая семья с императрицей, наследником и великими князьями².

Подобные устремления политического дискурса имперской власти, во всеуслышание провозглашавшиеся Александром III, не могли пройти мимо внимания организаторов VII съезда.

К тому же съезд должен был пройти в преддверии отмечавшегося в 1888 г. общероссийского празднования 900-летия крещения Руси. Этому мероприятию придавал особое значение главный идеолог и вдохновитель клерикальной доктрины обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. В подобном контексте понятно, почему власть и общество обращали в те годы повышенное внимание на церковные древности. К юбилею крещения Руси реставрировались Ростовский кремль, который посетили участники VII съезда, Успенский собор во Владимире, возводились Владимирский собор в Киеве и храм Спаса-на-Крови в Петербурге. Подготовка к подобному событию, одному из наиболее масштабных и идеологически значимых мероприятий царствования Александра III, отразилась и на выборе места проведения съезда, и на его характере.

Ярославль для проведения VII съезда, среди многих прочих городов, предлагали еще в Одессе, на VI съезде, при здравствующем А. С. Уварове. Но тогда это предложение не прошло, поскольку в Ярославле, «к сожалению, очень мало деятелей, которые могли бы взять на себя организацию съезда»³. Решено было провести VII съезд в Харькове, на родине П. С. Уваровой.

Но с избранием П. С. Уваровой весной 1885 г. председателем Московского археологического общества предпочтения организаторов съезда меняются. Будучи гораздо более внимательной к настроению власти, нежели ее супруг, графиня учла архитектурно-идеологические предпочтения императора. И в середине 1885 г. в документах МАО присутствуют уже два претендента на место проведения VII съезда — Харьков и Ярославль. Да и мнение общества относительно наличия и количества достойных археологов в Ярославле изменилось на противоположное. Как утверждал директор Демидовского юридического лицея и председатель Ярославского отделения Предварительного комитета С. М. Шпилевский, «императорское Московское археологическое общество, избирая местом

¹ Неделя строителя. 1882. № 12. С. 89; Неделя строителя. 1882. № 15. С. 115; Зодчий. 1907. № 35. С. 375.

² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 6343. Л. 1.

³ Русские ведомости. 1884, 4 сент. № 245. С. 1.

VII съезда Ярославль, указало на то, что наш город «имеет достаточное количество ученых, сочувствующих археологии»⁴.

Окончательному решению в пользу Ярославля, которое принималось в стенах министерства народного просвещения, вне рамок археологического сообщества, не желая того, поспособствовали участники VI одесского съезда. Прежде всего, малороссийские депутаты, увлекшиеся воспеванием национальных древностей и украинской истории, которую они, в разрез с официальной традицией, отделяли от истории единого русского народа, под коим тогда понималось триединство великороссов, малороссов и белорусов.

А. В. Селиванов, археолог, один из основателей рязанской архивной комиссии, писал по этому поводу профессору харьковского университета Н. Ф. Сумцову: «Сообщаю Вам неофициальную, но действительную причину. Министерство очень недовольно одесским съездом за нехорошее поведение хохломанов (в том числе Эварницкого) и за доклады юридической секции. Делянов⁵ боится, чтобы это не повторилось в Харькове и потому выбрал Ярославль»⁶.

Так что версия о переносе места проведения VII съезда из Харькова в Ярославль, якобы из-за смерти А. С. Уварова, не более чем предлог, коим пытались завуалировать политическое решение правительства, стремившегося пресечь наметившуюся на съездах тенденцию к дискуссиям по национальной тематике и обсуждениям политико-социальных вопросов.

Определенную искусственность в выборе Ярославля отмечали и современники. Газеты, комментируя выступление на съезде С. М. Шпилевского, писали, что «профессор, по видимому, старался найти основания, по которому Ярославль введен в среду университетских столиц лишь созданием в нем седьмого археологического съезда, но особых для этого причин он... не указал, по крайней мере, с достаточной ясностью»⁷.

Атмосфера VII археологического съезда отразила дух правления Александра III с его культурными символами, такими как восточно-христианский ориентализм, старомосковский «русский стиль» и др. На съезде достаточно откровенно и прямолинейно провозглашались лозунги государственной «русской» имперской идеологии.

Основные идеологические цели съезда наиболее явственно прозвучали в официальных речах.

⁴ Открытие VII археологического съезда в Ярославле // Известия о занятиях седьмого археологического съезда в Ярославле. Ярославль, 1887. С. 3.

⁵ Делянов Иван Давыдович (1817–1897) — в 1866–1874 гг. товарищ министра, в 1882–1897 гг. министр народного просвещения.

⁶ ЦГИАУ. Ф. 2052. Оп. 1. Д. 1039. Л. 1.

⁷ Русские ведомости. 1887. № 219. (11 авг.) С. 2.

Профессор Казанского университета, Д. А. Корсаков, говоря на съезде об историческом значении Ярославского края, практически повторил основные положения доктрины «официальной народности»: «Великорусское же племя проявило себя в общей русской исторической жизни созданием русского государства, выразив в своей истории три основные, самобытные черты: 1) православно-благочестивую религиозность; 2) установление и развитие единодержавного государственного порядка; 3) борьбу с восточными инородческими племенами»⁸.

Открывая съезд, С. М. Шпилевский, как представитель Министерства народного просвещения, заявил: «Когда-то и наша область была заселена инородцами финского происхождения, что доказывается названиями рек и озер; но названия городов — славянские: этим наша область противоплагается соседней восточной, где и города носят нерусские названия; это указывает, что в нашей области инородцы не достигли высшего развития, которое приводит к развитию городов... В нашей области нет и тех следов больших инородческих городов, существование которых в северо-восточной России доказывается городищами весьма значительных размеров: указываемые древнейшим летописцем аборигены нашего края, инородческая мера, не представляют почти никаких признаков исторической жизни; на первых же своих страницах летописей о них забывают. Мы можем сказать, что наша область искони русская, т. е. славянская и, вместе с тем, менее других чисто русских областей, например, Новгородской, Киевской, подвергавшаяся иноземному влиянию Запада. Наша область русская по преимуществу... Почти одновременно с другими исконными русскими областями здесь засиял свет христианства — важнейший фактор культуры православной Руси... по отношению к археологии, в смысле изучения вещественных памятников, наш край представляется особенно богатым памятниками церковной древности, которые должны быть важнейшим предметом съезда». Далее последовали С. М. Шпилевского сделали еще более существенные выводы: «Наша область представляется местом первоначального развития самодержавия. История нашего края есть история области преимущественно русской»⁹.

Остановился докладчик и на первостепенном значении церковных древностей. Газеты так комментировали эту часть его выступления: «Как преосвященный радовался преобладающему характеру предстоящих работ съезда — занятию вопросами о церковных древностях края¹⁰, так и профессор, только еще с большею силою доказывал присутствующим,

⁸ Закрытие Съезда // Труды VII АС в Ярославле. 1887. М., 1892. Т. III. Прил. С. 108.

⁹ Открытие VII-го АС в Ярославле // Труды VII АС в Ярославле. 1887. М., 1892. Т. III. Прил. С. 38–39.

¹⁰ Речь идет о выступлении на открытии VII съезда архиепископа Ярославского и Ростовского Иоанафана.

что именно церковные древности должны быть наиважнейшим предметом их будущих работ»¹¹.

П. С. Уварова возглашала, что «съезд этот, как созданный в области, освященной мощами Св. Леонтия, которого в XIII веке называли «третьим гражданином русского мира, венчавшимся от Христа вместе с первыми двумя мучениками, Киевскими варягами»... заставил обратить особое внимание на церковные древности»¹².

Не случайно в преддверие съезда архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан был принят в действительные члены МАО¹³. А по окончании съезда анализу докладов, прозвучавших в Ярославле на тему христианских древностей, были посвящены многие статьи историков церкви¹⁴.

При подготовке съезда П. С. Уварова большое внимание уделяла организации выставки церковных раритетов. Графиня неоднократно писала С. М. Шпилевскому о «необходимости собрать для Съезда выставку из церковных древностей...»¹⁵.

Эта тема в письмах П. С. Уваровой присутствовала постоянно¹⁶. Получив в ноябре 1886 г. известие о выделении императором 3 000 руб. для проведения съезда, Прасковья Сергеевна вновь напоминает С. М. Шпилевскому, что «необходимо теперь позаботиться и о выставке», уделяя особое внимание собиранию «предметов, принадлежащих здешним древнехристианам»¹⁷.

Показательно, что именно в год проведения съезда, вышел труд П. С. Уваровой, посвященный собранию ризниц ярославского Спасо-Преображенского монастыря¹⁸. Даже спустя пять лет, выступая в Париже на заседании общества антиквариев, графиня повествовала о древних церквях Ярославля и Ростова Великого¹⁹.

П. С. Уваровой на съезде вторил Д. Н. Анучин. «Для занимающихся русскою, особенно церковною археологией, представляло интерес обозрение старинных святынь Ярославля и Ростова, их оригинальных церквей, старинных фресок и т. д. В задачи археологических съездов

входит возбуждение и поддержание интереса к местным древностям, распространение археологических сведений и т. п., все это оправдывало выбор Ярославля, как места, где... сохранилось еще немало памятников древности, особенно образцов церковного зодчества»²⁰.

Идеологическая направленность VII археологического съезда была понятна современникам. Недаром на ярославский съезд приехали делегаты, обычно не радовавшие своим присутствием подобные форумы. На съезде присутствовал член Археологической комиссии И. И. Толстой, делопроизводитель ИАК И. А. Суслов. Даже граф А. А. Бобринский, несмотря на нелестные высказывания графини на съезде по отношению Археологической комиссии, планировал появиться в Ярославле. Для его пребывания был нанят дом купца Панова²¹.

Церковно-архитектурные симпатии Александра III сформировались в результате личных впечатлений от ярославских соборов. Его сын, Николай II, продолжавший политику отца, разделявший его пристрастия и доведший преклонение перед XVII в. до гротеска, также отдавал должное памятникам Ярославля. По его настоянию образцом для росписей возведенного в древнерусском стиле Федоровского собора в Царском селе, игравшего роль домашней церкви Романовых, были взяты фрески ярославской церкви Иоанна Предтечи «на Толчках». В связи с возведением собора, для детального изучения ярославских церквей, учредили специальную ученую комиссию, куда вошел и глава Археологической комиссии граф А. А. Бобринский. Для вояжей членов комиссии в Ярославль подавался специальный вагон. В процессе работы комиссии был составлен альбом снимков Ярославских (Св. Иоанна Предтечи, Св. Илии Пророка, Спасского монастыря) и Ростовских церквей (Спаса на Сенях, Воскресения Христова), сделаны модели Ростовского кремля и храма Воскресения Христова. Заседания комиссии неоднократно посещали Николай II и императрица, лично знакомившиеся с собранными материалами²².

Симпатии последнего Романова к Ярославлю во многом объясняют, почему и Первый областной археологический съезд (1901 г.) тоже прошел в этом городе. Хотя этому поспособствовали и активные связи Русского археологического общества и Археологической комиссии с Ярославской губернской архивной комиссией²³. А также тесные личные отношения А. А. Бобринского с тогдашним Ярославским губернатором Борисом

¹¹ Русские ведомости. 1887, 11 авг. № 219. С. 2.

¹² Труды XII АС в Харькове. 1902. М., 1905. Т. III. С. 417.

¹³ *Титов А. А.* Высокопресвященный Ионафан, бывший архиепископ Ярославский и Ростовский // Древности. Труды МАО. 1909. Т. XXII. Вып. 1. С. 61–63.

¹⁴ *Покровский Н.* Церковная старина на Ярославском археологическом съезде // Христианское чтение. 1888. № 1–2. С. 36–69; *Красносельцев Н. Ф.* Церковная археология на русских археологических съездах. По поводу VII археологического съезда в Ярославле // Православный собеседник. 1887. № 9. С. 59–81.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

¹⁶ Там же. Л. 38, 40, 42, 47.

¹⁷ Там же. Л. 28.

¹⁸ *Уварова П. С.* Каталог ризниц Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1887.

¹⁹ *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 200.

²⁰ *Анучин Д. Н.* Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбург и VII АС в Ярославле. М., 1887. С. 32.

²¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1787. Л. 11об.

²² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 618. Л. 2, 7–9.

²³ ГАЯО. Ф. 582. Д. 16, 20, 23, 27, 38, 51 и др.

Владимировичем Шюрмером. Они были соученики по Петербургскому университету и в дальнейшем сохранили юношескую дружбу.

Да и сам Борис Владимирович уделял внимание древностям. Он был активным членом архивных комиссий — Ярославской, в последствие Петербургской. Во многом благодаря его инициативе была реализована идея проведения съезда в Ярославле. В конце 1899 г. Б. В. Штюрмер писал А. А. Бобринскому: «не поленись... высказаться относительно предположений о съезде археологов бывшей Ростово-Суздальской области... Говорят нельзя рассчитывать на сочувствие нововведению графини Уваровой. Да разве без него дела вершить нельзя?»²⁴.

А. А. Бобринский, проигнорировавший VII археологический съезд, в 1901 г. прибыл в Ярославль на открытие областного съезда, где произнес прочувственную речь, за что его всячески благодарил Б. В. Штюрмер²⁵.

На Первом областном археологическом съезде тема Ростово-Суздальской земли, как места зарождения и формирования российской самодержавия, была продолжена. В письме, разосланном организаторами съезда, говорилось, что одной из главных причин его созвания в Ярославле было то, что этот край являлся местом, где был создан «единовластный, а затем и самодержавный политический строй, основа государственного могущества России»²⁶.

Как заявил в своей речи на открытии съезда его почетный председатель Б. В. Штюрмер, съезд собрался в крае, «где образовалась великорусская народность и развилось русское государственное начало»²⁷. Протоиерей Крылов, зачитавший на съезде письмо заболевшего Ярославского и Ростовского архиепископа Иоанафана, уточнил понятие «государственного начала», заявив, что «здесь, в междуречье Волги и Оки... впервые сложился у нас тот политический строй, которым доселе живет русский народ. Это я говорю о самодержавной власти»²⁸.

Участники съезда в день его открытия направили императору Николаю II телеграмму со словами: «Приступив к занятиям по исследованию истории и древностей губерний, входивших в состав древней Ростово-Суздальской области, где сложилась великорусская народность и самодержавное Русское государство, съезд повергает к стопам Вашего величества выражение своих верноподданнейших чувств и беспредельной преданности». Под телеграммой стояли подписи А. А. Бобринского,

Н. В. Покровского, С. Ф. Платонова и других делегатов²⁹. На телеграмму поступил благодарственный ответ императора, текст которого был заслушан участниками съезда стоя, а его чтение «сопровождалось громким «ура»»³⁰.

В своих речах выступавшие, как и в 1887 г., подчеркивали обилие в городе церковей XVII в., столь любезных императору. Протоиерей Крылов заявлял, что «почти все ныне существующие храмы г. Ярославля, своею постройкою относятся к половине XVII века»³¹. Ему вторил директор Петербургского археологического института Н. В. Покровский. «Нигде, кроме Москвы, сея сорока сороками церквями, мы не найдем такого изобилия памятников XVI—XVII в., как в Ярославле»³². При этом многие делегаты особо останавливались полюбившемся Николаю II храме Иоанна Предтечи «на Толчках».

Все восторги по поводу архитектурных шедевров Ярославля совершенно справедливы, изучение их оправдано и необходимо. Но нельзя не отметить особое предпочтение выступавших именно к памятникам XVII в. в целом и церкви Предтечи «на Толчках» в частности.

Все вышеизложенное позволяет считать, что внимание археологов тех лет к Ярославлю и его округе, помимо чисто профессиональных интересов³³, стимулировалось и идеолого-политической доктриной последних Романовых, пытавшихся, путем обращения к традициям прошлого возродить существовавшую, в представлениях самодержцев, непосредственную связь монарха с богобоязненным православным русским народом. Связь, которую, по их мнению, разрушали чиновные и административные препоны, возникшие в результате петровской вестернизации страны³⁴. Здесь уместно вспомнить уже приводившиеся слова С. М. Шпилевского о Ярославской земле, «менее других чисто русских областей... подвергавшейся иноземному влиянию Запада».

Одним из символов единого для народа и государя православного прошлого официальная доктрина считала церковные архитектурные памятники, представлявшие исконно русские традиции, не «запятнанные» западными влияниями.

Ярославль в этой идеологической схеме, по представлениям Александра III и Николая II, был средоточием наиболее выдающихся образцов тра-

²⁴ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 2132. Л. 35 об. — 36.

²⁵ Там же. Л. 36—37, 48—49.

²⁶ Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-суздальской земли). М., 1902. С. X.

²⁷ Там же. С. XIX.

²⁸ Там же. С. XVIII.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

³⁰ Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-суздальской земли). М., 1902. С. XXXII.

³¹ Там же. С. XVIII.

³² Там же. С. XXII.

³³ О научном значении съезда см.: Шпилев А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. № 3. 2010. С. 47—49.

³⁴ Подробнее об этом см.: Уртман Р. С. Сценарии власти. М., 2004. Т. II. С. 225—677.

диционной русской архитектуры, символизировал исконно-православный российский народный дух, представлявший, по официальной версии, одним из истоков российского единогодержавия.

Справедливо отдавая должное архитектурным реликвиям Ярославля и Ростова Великого, уникальным археологическим памятникам верхнего Поволжья, устроители VII археологического съезда, при выборе места его проведения, руководствовались особым положением Ярославля в идеологическом дискурсе империи. Не прошли политические веяния эпохи и мимо устроителей Первого областного археологического съезда.

Наличие идеологической составляющей в работе этих двух съездов ни в коей мере не принижает их научный вклад в развитие российской археологии, их значения для объединения исследователей древней истории центральной России в единое научное сообщество.

Подобное сочетание познавательной-критической и национально-патриотической функций не было каким-либо исключением ни в XIX, ни в XX веке. В кризисных ситуациях, требующих упрочения национальной консолидации, идеологема «большого нарратива» использовали не только политики, но и многие выдающиеся национальные историки³⁵.

Е. В. Спиридонова

Ярославль

Стеклянные флаконы XIX — начала XX века с надписями (из раскопок в Ярославле)

Стеклянные флаконы представляют собой частую археологическую находку в слоях XIX–XX веков. Они редко становятся объектом интереса археологов, научных исследований посвященных данному типу находок практически нет.

За годы работы Ярославской археологической экспедиции собралась значительная коллекция стеклянных флаконов, как дореволюционных, так и первых десятилетий советской власти. Данная работа посвящена исключительно дореволюционным флаконам, имеющим различные надписи и рисунки, их в коллекции 66 штук. Они представляют собой большое разнообразие форм, размеров и цвета, на основе которых можно выделить несколько типологических групп.

Так, с точки зрения внешнего вида можно выделить флаконы *прямоугольной формы* — 31 штука. Переходы между гранями иногда «срезаны» вертикально и образуют дополнительные, узкие грани, еще реже встречаются закругленные углы.

Заметную группу составляют флаконы в форме сплющенного цилиндра, иначе говоря, *овальные в основании* — 12 штук. Часто тулово с обеих сторон декорировано двойной, рельефной рамкой из тонких линий. Вероятно, в центр рамки заказчик изделия задумывал помещать бумажную этикетку.

Менее многочисленную группу стеклянных изделий составляют флакончики *цилиндрической формы* с узким горлышком — 8 штук. Цилиндрическое тулово во многих случаях чуть заметно сужается книзу.

5 флаконов имеют *треугольную форму*. Встречаются и более редкие флаконы *шести-, восьми- или десятигранной формы*.

³⁵ См. подробнее: Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 446–447.